

к источнику как к своеобразному универсальному магазину, выбирает из него то, что кажется ему вероятным с некоей предвзятой точки зрения. Принципиальным защитником такого «потребительского» отношения к источнику был критик М. Д. Приселков В. Завитневич. Возражая против источниковедческих приемов М. Д. Приселкова, он противопоставлял им «внутреннюю критику» источника, основанную на понимании историком «духа эпохи»: «Такой осторожный историк, как С. М. Соловьев, даже Иоакимовскую летописью пользовался, когда находил, что сообщаемые ею данные гармонируют с духом эпохи».²⁴

Примеров такого «потребительского отношения к источнику» можно найти в историографии множество, вплоть до нашего времени. Особенно часто объектом такого «потребительского», выборочного использования бывает В. Н. Татищев. «Потребительски» используется рассказ «Казанского летописца» о свержении татарского ига: отбрасывая «легендарные подробности», исследователи оставляют факты, которые им представляются достоверными;²⁵ так же интерпретируется житийный рассказ о Невской битве²⁶ и т. д.

Конечно, в историографии возможно частичное использование того или иного источника — признание одних его известий более достоверными, а других менее достоверными, но очевидно, что такое частичное использование должно вытекать из анализа самого источника, его характера, состава и происхождения. Именно это обстоятельство настойчиво подчеркивал М. Д. Приселков. «Если историк, — указывал он в своей «Истории русского летописания», — не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас всевозможных наблюдений над данным источником..., а с другой стороны, историк может нередко впасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно...».²⁷

Основным предметом источниковедческих исследований М. Д. Приселкова было (как мы видим и из только что приведенной цитаты) древнерусское летописание. В этом отношении работы его, как он сам многократно указывал, были теснейшим образом связаны с тем коренным переворотом, который произвел в исследовании русского летописания А. А. Шахматов. «Из истории нашей умственной жизни, — писал М. Д. Приселков в 1920 г., — рукою А. А. (Шахматова, — Я. Л.) удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты. Летописи встают перед нами как памятники страстной политической борьбы, а летописцы являются ее участниками или перьями в руках главнейших политических деятелей... С другой стороны, мне кажется, А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и

²⁴ Труды Киевской духовной академии, кн. IV, стр. 635.

²⁵ Ср., например: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 162—163.

²⁶ Ср., например: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1 М., 1953, стр. 842—845. Автор пользуется рассказом Новгородской I летописи младшего извода (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 292—294), но произвольно выбирает из него все естественно возможные факты и опускает «чудесные» (явление Пелгусию святых Бориса и Глеба, враги Александра, «избиенные от аггел божиих», и т. д.), не пытаясь анализировать рассказ источниковедчески (ср.: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописи. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 230—233)

²⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6